Е.А. ВОЛКОВА
(Воронеж)

ИСТОРИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Анализируются исторические взгляды Ф.М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы». Выделяются следующие исторические проблемы: сущность капитализма, социальных и нравственных последствий и влияний на личность; проблема революционного или религиозного пути России; значение судебной реформы для российского общества, кризис российского дворянского сословия; тема русской интеллигенции и народа; роль Русской православной церкви и духовенства в России.

Ключевые слова: *нравственность, религиозность, история России, Ф.М. Достоевский, православная церковь, интеллигенция.*

В обширном историографическом наследии, посвященном творчеству великого русского писателя Ф.М. Достоевского, отсутствуют обобщающие научные труды по проблеме его социально-исторических воззрений.

Вершиной художественного творчества Достоевского, квинтэссенцией его социально-исторической мысли является роман «Братья Карамазовы». Роман этот настолько многогранен, многолик, что невозможно охватить всю совокупную проблематику повествования. Среди заглавных тем романа – сущность капитализма, социальных и нравственных последствий и влияний на личность; проблема революционного или религиозного пути России; значение судебной реформы для российского общества; «карамазовщина» – господство стихийной силы разрушения над созидающими началами – просвещением и культурой; кризис российского дворянского сословия; тема русской интеллигенции и народа; роль Русской православной церкви и духовенства в России; специфика России как социально-исторического феномена и др.

В «Братьях Карамазовых» нашла воплощение «проблема “человека и истории”, – пишет Е.И. Семенов. – Тема смысла исторической действительности станет основной в насыщенном разными философскими поворотами течении романа и достигнет своего пика в бунте Ивана, восстающего против “небесной бюрократии” и строящего опасные парадоксы на фактах, призванных подтвердить мысль об абсурдности человеческой истории, “равнодушной” к деятельности отдельных личностей, из которых она складывается» [5, с. 143].

Достоевский замыслил новый роман в 1878 г. «В этот год отдыха от *срочного* издания я и впрямь займусь одной художественной работой, сложившейся у меня в эти два года издания “Дневника” неприметно и невольно» [3, т. 26, с. 126]. На протяжении 1878–1879 гг. Достоевский в письмах неоднократно отмечал ход своей работы над романом. В письме от 19 мая 1879 г. к К.П. Победоносцеву, с которым Достоевский близко сошелся в последние годы, он определил главную социальную идею нового романа: «…Смысл книги: богохульство и опровержение богохульства. <…> Богохульство… у нас теперь в нашей России у *всего* (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодежи, то есть научное и философское опровержение бытия божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние *деловые социалисты* … зато *отрицается* изо всех сил создание Божие, мир божий и *смысл его»* [Там же, т. 30-1, с. 66].

Эволюция российского общества в сторону атеизма и нигилизма чрезвычайно волновала Достоевского в последние годы жизни. 1879 г. полностью был подчинен подготовке нового романа. В письме к владельцу и редактору журнала «Гражданин» В.Ф. Пуцыковичу от 28 июля 1879 г. Достоевский замечал: «…Роман, который пишу теперь (“Братья Карамазовы”), поглощает пока все мои силы и все мое время. По усилившемуся нездоровью моему… я с ним запоздал. А потому все время мое занято…» [Там же, с. 91].

В письмах 1879–1880 гг. к профессору Московского университета, публицисту Н.А. Любимову, Е.Н. Лебедевой, председателю Лите-

© Волкова Е.А., 2017

ратурного фонда В.П. Гаевскому Достоевский разъяснял различные аспекты романа «Братья Карамазовы». В письме к К.П. Победоносцеву от 16 августа 1880 г. он замечал: «…Я *опубликовал* мои заветные убеждения» [3, т. 30-1, с. 209].

Подготовительными материалами к «Братьям Карамазовым» послужили «Атеизм» и «Житие великого грешника», которые накапливались с конца 1860-х годов и воплотились в новом произведении. В «Дневнике писателя» Федор Михайлович оттачивал многие аспекты тревоживших его социально-исторических проблем пореформенного российского общества.

В центре романа – жизнь провинциального дворянского семейства Карамазовых из города Скотопригоньевск (очевидно, город Старая Русса). Тема «отцов и детей» вызывала глубокий интерес писателя с 1870-х годов. На фоне трагедии одной семьи показан полный разрыв преемственности поколений, духовно-нравственное оскудение общества, состояние возрастающего по напряженности внутреннего конфликта в самой семье – между отцом и детьми, между братьями и т. д. Семейный конфликт в то же время является отражением социального конфликта в пореформенной России.

Достоевский не смягчает негативных красок в изображении главы семейства Федора Павловича Карамазова: «…Это был странный тип, довольно часто, однако, встречающийся, именно тип человека не только дрянного и развратного, но вместе с тем и бестолкового, – но из таких, однако, бестолковых, которые умеют отлично обделывать свои имущественные делишки…» [Там же, т. 14, с. 195]. Очевидно, прототипом старшего Карамазова стал собственный отец Федора Михайловича Михаил Андреевич Достоевский, убитый в своем имении Чермашня крепостными крестьянами. Не случайно в романе в деревню с таким же названием посылает Федор Павлович своего сына Ивана.

От первого брака у Федора Павловича остался сын Митя, который воспитывался слугой Григорием по причине безнравственного, развратного поведения отца, которому дела не было до воспитания старшего сына. Конфликт отца с Митей из-за Грушеньки стал одной из центральных тем романа. Столкнулись не только разные подходы и оценки жизни представителей поколений отцов и детей, но и глубокие ценностные противоречия. Образы Федора Павловича и Мити являлись типичными для русского общества – они нередко встречались в разных ситуациях. В них вместились характерные для русского человека удаль, размах, желание погулять, покуражиться на людях по типу «на миру и смерть красна». В Мите, правда, сохранились остатки чести, совестливости, чего нельзя сказать о его отце – «ничтожном “мозгляке”», сладострастнейшем человеке «во всю свою жизнь» [Там же, с. 8].

Достоевский ввел в художественный оборот феномен «карамазовщины» – тайной стихийной силы, противостоявшей правильному, разумному образу жизни. Все три брата – Митя (28 лет), Иван (24 лет) и Алеша (20 лет) – страдают двойственностью сознания и поведения. В каждом из братьев живет двойник, живет «карамазовщина».

Двойственность Мити передана в его портрете: «Дмитрий Федорович, двадцативосьмилетний молодой человек, среднего роста и приятного лица, казался, однако же, гораздо старее своих лет. Был он мускулист, и в нем можно было угадывать значительную физическую силу, тем не менее в лице его выражалось как бы нечто болезненное. Лицо его было худощаво, щеки ввалились, цвет же их отливал какою-то нездоровою желтизной. Довольно большие темные глаза навыкате смотрели хотя, по-видимому, и с твердым упорством, но как-то неопределенно. Даже когда он волновался и говорил с раздражением, взгляд его как бы не повиновался его внутреннему настроению и выражал что-то другое, иногда совсем не соответствующее настоящей минуте» [Там же, с. 63].

Более сложен в романе образ второго из братьев Ивана. В его природе также уживались два начала – стихия «карамазовщины» и стремление освободиться от нее, прийти к осмыслению действительности через нравственное очищение. Этот путь дается Ивану с большим трудом, посредством преодоления множества противоречий внутреннего и внешнего характера. Доходит до того, что Ивану является представитель темных сил – черт, с которым герой ведет социально-нравственные беседы. «Карамазовщина» в личности Ивана проявляется в следовании давнишнему тезису Достоевского – «все позволено». «От формулы “все позволено” я не отрекусь…» – говорит он своему младшему брату Алеше [Там же, с. 240]. Оставляя отца, зная, что ему угрожает, Иван, как евангельский Понтий Пилат, умы-

вает руки. Иван постоянно подчеркивает свое неверие в бога. Это душевное состояние, в конечном счете, доводит его до сумасшествия.

Самым светлым образом в романе является младший из братьев Алеша. Этот образ продолжил галерею «положительно прекрасных» людей – князя Мышкина, Аркадия Долгорукого, Макара Девушкина. В образе Алеши почти нет противоречий, свойственных другим персонажам. Его герой нравственно чист, правдив, милосерден, глубоко религиозен. Сущность Алеши проявляется в его взаимоотношениях с детьми – Лизой Хохлаковой, по-детски влюбленной в него, Илюшей, Колей Красоткиным, другими мальчиками. Эти настроения созвучны с настроениями князя Мышкина, который рассказывал о своем общении с детьми в Швейцарии.

Алеша Карамазов близок к церковно-монастырской среде. Достоевский видел в ней путь спасения России и народа. Эта среда помогала Алеше преодолеть тлетворное, гнетущее воздействие «карамазовщины». Отсюда – то сильное влияние, которое оказывал Алеша на других героев романа, даже на своего отца, называвшего младшего сына «мой тихий мальчик» [3, т.14, с. 23].

Но и в Алеше время от времени проявляется «карамазовщина» – стихия разрушения. Еще в детстве характеризовали Алешу такими чертами: «Черта эта в нем была дикая, исступленная стыдливость и целомудренность» [Там же, с.19]. Как и другие «положительно прекрасные» образы сочинений Достоевского, образ Алеши, на наш взгляд, не типичен для русского пореформенного общества. Большинство российской молодежи все-таки не выбирало тот путь, которым шел младший из братьев Карамазовых.

Изображая Алешу, Достоевский хотел выступить против деградации, одичания российского общества, все более отходившего от Бога, поддававшегося соблазнам нигилизма. Социальная составляющая романа «Братья Карамазовы» проявилась в названии города, где разворачиваются основные события, – Скотопригоньевск. Духовный мир Алеши, как и мир православного монастыря, противопоставляется повседневной жизни граждан города.

Духовным наставником Алеши Достоевский сделал настоятеля монастыря старца Зосиму. Образ Зосимы – одна из художественных вершин Достоевского в изображении представителей Русской православной церкви. К ней он шел сложно, через целую череду образов православных священников и христианских праведников в романах «Бесы», «Подросток». Но Зосима – не простой священник, а старец. Писатель обратился в романе к проблеме истории русского старчества, которому посвящен специальный раздел в первой книге романа.

Логично было бы предположить, что перед смертью в своем последнем разговоре с Алешей Зосима будет настаивать на том, чтобы он остался в монастыре. Однако писатель совершенно неожиданно поступил иначе – отправил Алешу в мир. «Ты там нужнее, – говорил ему старец. – Там миру нет. Прислужишь и пригодишься. Подымутся беси, молитву читай. И знай, сынок (старец любил его так называть), что и впредь тебе здесь не место» [Там же, с. 71]. Зосима не обещал Алеше легкой жизни. Позднее, после смерти старца, Алеша вспоминал и другие его слова: «…Изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь – что важнее всего» [Там же, с. 259].

В изображении «карамазовщины» Достоевский выходит за пределы семьи, переносит свои ощущения на общество. Этот феномен страшной разрушительной стихийной силы свойствен всему русскому народу, склонному к неповиновению, бунту, разрушению. Еще Пушкин сделал замечания относительно русского бунта – «бессмысленного и беспощадного». Стихийная сила «карамазовщины» проявилась в пьяной оргии Мити накануне его ареста. «Началась почти оргия, пир на весь мир. <…> Началось нечто беспорядочное и нелепое, но Митя был как бы в своем родном элементе, и чем нелепее все становилось, тем больше он оживлялся духом» [Там же, с. 390]. «Карамазовщина» у Достоевского является воплощением многообразного зла. «В этом весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники, стяжатели и юродивые!» – говорит Ракитин [Там же, с. 75]. Вновь звучит в романе сквозная противоречивая проблема: исключающие друг друга начала – святость (юродство) и грех (сладострастие и стяжательство).

Достоевский был далек от восприятия русского народа как идеального феноме-

на. Во многих художественных и публицистических сочинениях он сурово осуждал такие негативные проявления в народной среде, как пьянство, леность, зависть и др. В статье «Нечто личное», опубликованной в журнале «Гражданин» (1873, № 3), Достоевский писал: «Экономическое и нравственное состояние народа по освобождении от крепостного ига – ужасно. Несомненные и в высшей степени тревожные факты о том свидетельствуют поминутно. Падение нравственности, дешевка <…> воровство и дневной разбой – все это несомненные факты, и все растет, растет» [3, т. 11, с. 30].

Различные социальные слои русского общества изображены в сцене суда присяжных. Писатель с долей иронии относился к составу участников судебного заседания. Подобный состав присяжных заседателей, в основном из скотопригоньевских мещан и крестьян, не мог объективно разобраться в деталях преступления – отцеубийства, якобы совершенного Дмитрием Карамазовым, и вынес ложное решение.

Как водится, в романах Достоевского обязательно должна быть представлена негативная, отталкивающая фигура настоящего преступника. Таким стал лакей (по должности и по сущности) Павел Смердяков – незаконнорожденный сын Федора Павловича Карамазова и Лизаветы Смердящей. «Человек еще молодой, всего лет двадцати четырех, он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал» [Там же, т. 14, с. 114]. После смерти матери (Лизавета умерла при родах) младенца взял на воспитание дворовый человек Карамазовых Григорий. Смердяков ко всем прочим моральным недугам страдает тяжелой болезнью – падучей (эпилепсией).

Смердяков – это также проявление «карамазовщины», выраженное в лакействе, трусости, подлости, корысти и тщеславии. Митя не считает его за человека и дает ему уничижительную характеристику: «Смердяков человек нижайшей натуры и трус. Это не трус, а совокупление всех трусостей в мире вместе взятых, ходящее на двух ногах. Он родился от курицы» [Там же, с. 428]. Смердякову уготована участь лакея, обиженного жизнью, хотя по рождению он имеет такие же права, как и другие Карамазовы. Он готов на любое предательство, преступление, в том числе убийство собственного отца Федора Павловича.

Наиболее близок Смердяков с Иваном – это две стороны «карамазовщины». Смердяков в романе воплощает абсолютное зло с оттенком трусости и подлости. Кроме убийства отца, он совершает другие подлые поступки. Смердяков научил мальчика Илюшу Снегирева накормить собаку Жучку хлебным мякишем с булавкой внутри, чтобы потом мальчик мучился угрызениями совести от совершенного им убийства животного. Он же невольно сделал Ивана соучастником собственного преступления и покончил жизнь самоубийством.

В романе изображены два сильных, по-своему страстных женских образа – Аграфена Александровна (Грушенька) и Катерина Ивановна. Они противоположны по характеру, но посредством их изображения раскрываются характеры других героев. Обе женщины молоды, красивы, но красота каждой из них особая, отличная от другой.

Грушенька семнадцатилетней девочкой была кем-то обманута, каким-то офицером, и им же брошена. Она из нищеты и позора была взята своим родственником-покровителем, богатым стариком-купцом Самсоновым. В портрет Грушеньки писатель вносит нравственную оценку: «И вот в четыре года из чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотелая русская красавица, женщина с характером смелым и решительным, гордая и наглая, понимавшая толк в деньгах, приобретательница, скупая и осторожная…» [Там же, с. 311].

Характеризуя Грушеньку, Достоевский пишет: «…Пред ним стояло, казалось бы, самое обыкновенное и простое существо на взгляд – добрая, милая женщина, положим красивая, но так похожая на всех других красивых, но “обыкновенных” женщин! Правда, хороша была она очень, очень даже – русская красота, так многими до страсти любимая. <…> Ей было двадцать два года… Она была очень бела лицом, с высоким бледно-розовым оттенком румянца. Очертание лица ее было как бы слишком широко, а нижняя челюсть выходила даже капельку вперед. Верхняя губа была тонка, а нижняя, несколько выдавшаяся, была вдвое полнее и как бы припухла. Но чудеснейшие, обильнейшие темно-русые волосы, темные соболиные брови и прелестные серо-голубые глаза с длинными ресницами заставили бы непременно самого равнодушного и рассеянного человека, даже где-нибудь в толпе, на гулянье, в давке, вдруг остановить-

ся пред этим лицом и надолго запомнить его. <…> Она глядела как дитя, радовалась чему-то как дитя. <…> Взгляд ее веселил душу» [3, т. 14, с. 136].

Иная красота Катерины Ивановны, хотя она также двойственна. «Красота Катерины Ивановны еще и прежде поразила Алешу. <…> Его поразила властность, гордая развязность, самоуверенность надменной девушки. <…> Большие черные горящие глаза ее прекрасны и особенно идут к ее бледному, даже несколько бледно-желтому продолговатому лицу. Но в этих глазах, равно как и в очертании прелестных губ, было нечто такое, во что, конечно, можно было брату его влюбиться ужасно, но что, может быть, нельзя было долго любить» [Там же, с. 133].

Достоевский с особым трепетом относился к красоте. Женская красота представлялась ему, не избалованному женским вниманием, чем-то загадочным и удивительным. «Красота – это страшная и ужасная вещь! – говорит Митя Карамазов брату Алеше. – Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <…> Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. <…> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» [Там же, с. 100].

На размышления Достоевского о красоте человека ссылаются многие, не всегда разумно делая это. В само понятие красоты писатель вкладывал неоднозначный смысл, сводя это явление, скорее, к духовной и нравственной красоте. И в Грушеньке, и в Катерине Ивановне при их несомненной красоте есть определенные, даже физические изъяны. Гораздо важнее для Достоевского красота душевная, в ней он ищет предельного совершенства и из нее исходит при создании портретов. Не случайно возвышенные и противоречивые слова о красоте произносит в романе самый аморальный из братьев Карамазовых Митя.

Тема женских образов в художественных произведениях Достоевского, начиная с Вареньки Доброселовой и завершая женскими образами в романе «Братья Карамазовы», представляет собой самостоятельную социально-психологическую тему в исследовании творчества писателя.

Глубочайшие вечные социально-исторические и нравственно-религиозные проблемы поставлены автором в главе «Великий инквизитор». Это, на наш взгляд, апогей всего творчества Достоевского, выше он не поднимался ни в одном из своих произведений. Во-первых, писатель рассуждает о роли народа в истории. Народ пошел за Иисусом Христом, когда тот кормил его, творил чудеса исцеления. Грозно звучит предупреждение инквизитора: «…И тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли» [Там же, с. 228]. Писатель далек от идеализации народа как исторического феномена. Великий инквизитор говорит откровенно и безжалостно о человеке. Человек «слаб и подл», он «слабее и ниже создан, чем ты о нем думал!»; «Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и выгнавшие учителя. Но придет конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им» [Там же, с. 233].

Во-вторых, Достоевским ставится исторически извечная проблема взаимосвязи свободы и хлеба, т. е. духовного и материального. Вся история человечества связана с этой проблематикой, с двумя взаимоисключающими началами: «…Свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» [Там же, с. 231]. В противоположность христианским нормам звучит голос великого инквизитора: «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» [Там же, с. 230].

В-третьих, христианская проблема борьбы абсолютного зла (великий инквизитор) и абсолютного добра (Иисус Христос). Речь идет о

смысле жизни: «…Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше!» [3, т. 14, с. 232]. Тематика Достоевского в определенной мере созвучна сюжетной линии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где абсолютное добро в лице Иешуа противостоит абсолютному злу Воланда.

В-четвертых, в «Великом инквизиторе» поставлена сугубо историческая проблема роли и судеб народов в истории человеческой цивилизации: «Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. <…> Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их» [Там же, с. 235]. Здесь просматривается нравственный аспект социально-исторического процесса, который выявляет писатель, говоря о судьбах цивилизации.

Достоевский был знаком с сочинением Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», в котором историк ставил проблемы цивилизационного развития разных народов, в том числе и славянства. Достоевский встретился с Данилевским в конце зимы 1872 г. В свое время оба увлекались идеями Фурье, участвовали в кружке Петрашевского, где и познакомились в 1848 г. Они не виделись около двадцати пяти лет. А.Г. Достоевская вспоминала: «Федор Михайлович был в восторге от книги Данилевского “Россия и Европа” и хотел еще раз с ним побеседовать. Так как тот скоро уезжал, то муж тут же пригласил его к себе пообедать на завтра» [2, с. 177]. Поднятые Достоевским в «Великом инквизиторе» темы не устаревают и ныне звучат современно, злободневно и остро в социально-историческом аспекте.

Достоевский не мог обойти вниманием извечную для него детскую тему. В романе представлена целая галерея разнообразных детских образов – Илюша Снегирев, Коля Красоткин, Карташов, Смуров и др. Писатель детством, отношением к детям проверял социально-нравственное состояние общества, его духовную зрелость.

Наиболее целостное изображение среди детских образов получил тринадцатилетний Коля Красоткин – самый авторитетный среди мальчиков, формирующаяся личность, претендующая на взрослость, взрослые мысли и поступки. Коля считал себя атеистом, социалистом, хотя плохо разбирался в оттенках этих идей. Коля был выразителем идей нового общества, будущего поколения. Вместе с детьми в финале романа Алеша Карамазов приносит клятву верности идеалам.

В раскрытии детской темы (а она не мыслится без соприкосновения с темой социальной жизни общества) писатель достиг философских пределов мироощущения. Писатель был хорошо знаком с детской тематикой по материалам печати, освещал неоднократно детскую тему в «Дневнике писателя». В романе даны ужасающие по степени жестокости картины издевательств над детьми: отец – «интеллигентный образованный господин и его дама секут собственную дочку, младенца семи лет, розгами» («прутья с сучками»); пятилетнюю девочку родители запирали на ночь в холодном сарае, лишали пищи и воды; восьмилетний мальчик был насмерть затравлен собаками за незначительный проступок – бросил камень в генеральскую собаку, и та охромела [3, т. 14, с. 221].

После смерти Достоевского Н.Н. Страхов в письме к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. клеветнически обвинил покойного писателя, с которым, кстати, много лет сотрудничал в журналах «Время», «Эпоха» и других изданиях, в аморальности и иных прегрешениях: «Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен», – писал Страхов [2, с. 177]. Достоевская затратила немало усилий, чтобы восстановить доброе имя мужа и защитить его от подобных измышлений бывшего соратника.

Рубеж 1870–1880-х годов стал периодом бурного развития российского капитализма. Если в предыдущих произведениях представители капитала выступали по одиночке, то в «Братьях Карамазовых» дан целый ряд хозяев

жизни – купец Самсонов, купец Горсткин (Лягавый), кабатчик Трифон Борисович, да и сам Федор Павлович Карамазов, разбогатевший на продаже спиртного.

Достоевский прекрасно понимал, на какие высоты художественного осмысления российской действительности вышел он в своем романе. Об этом он откровенно писал А.Г. Достоевской в письме от 7 июня 1880 г. из Москвы, где он находился по случаю открытия памятника А.С. Пушкину: «В антракте прошел по зале, и бездна людей, молодежи, и седых, и дам, бросались ко мне, говоря: "Вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли ″Карамазовых″"». А.Г. Достоевская вспоминала, что "Братья Карамазовы" имели несомненный успех…» [2, с. 503].

В романе «Братья Карамазовы» воплотились раздумья Достоевского о вечных всечеловеческих проблемах бытия. По нашему мнению, изучение этих проблем только по одному этому произведению может составить самостоятельное крупное научное исследование с выходом на многие социальные и духовно-нравственные вопросы. Что стояло за следующей тайной человеческого бытия, к раскрытию которой мог приступить Достоевский, остается только догадываться.

В последнем романе Достоевского нашли отражение все проблемы жизни российского пореформенного общества. Все они были типичны для России и оказались актуальны для общества после смерти писателя, далеко выходя за пределы его жизни. Как писала одесская газета «Правда» в № 125 за 1879 г., «Братья Карамазовы» – это целый мир русских типов [1, с. 483].

Исследователь творчества Достоевского В.К. Кантор пишет: «Достоевский был, быть может, из всех великих русских писателей наиболее страстным обличителем тех порядков, которые сложились в пореформенной России и которые, по мысли писателя, вели к нравственному, духовному распаду и искажению человеческой личности, но критиковал их с позиций консервативного, мужицкого демократизма» [4, с. 483].

Таким образом, анализ художественных произведений Достоевского 1860–1870-х годов убедительно показывает, что одной из ведущих в творчестве писателя является социально-историческая тематика, а в ней одно из главных мест занимает тема России и русского народа.

Список литературы

1. Гроссман Л.П. Примечания к роману «Братья Карамазовы». М.: Наука,1985.
2. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972.
4. Кантор В.К. «Братья Карамазовы» Федора Достоевского. М.: Худож. лит., 1983.
5. Семенов Е.И. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр). М., 1989.

* * *

1. Grossman L.P. Primechanija k romanu «Brat'ja Karamazovy». M.: Nauka,1985.
2. Dostoevskaja A.G. Vospominanija. M.: Pravda, 1987.
3. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.L.: Nauka, 1972.
4. Kantor V.K. «Brat'ja Karamazovy» Fedora Dostoevskogo. M.: Hudozh. lit., 1983.
5. Semenov E.I. Roman Dostoevskogo «Podrostok» (problematika i zhanr). M., 1989.

Historic, religious and moral views of F.M. Dostoevsky in the novel "The Brothers Karamazovs"

The article deals with the historic views of F.M. Dostoevsky in the novel "The Brothers Karamazov". The author describes the following historical problems: the nature of capitalism, social and moralconsequences and influences on personality; the issue of revolutionary or religious way of Russia; the importance of judicial reform for the Russian society, the crisis of the Russian nobility; the subject of the Russian intelligentsia and the people; the role of the Russian Orthodox Church and clergy in Russia. The latest novel by Dostoevsky reflects all the problems of the Russian reform society. They were all typical for Russia and were demanded by the society after the death of the writer, far beyond the time limits of his life.

Key words: *morality, religiousness, history of Russia, F.M. Dostoevsky, the Orthodox Church, intelligentsia.*

(Статья поступила в редакцию 14.11.2016)